

РЕБЕНОК В ШАПКЕ МОНОМАХА

Всего три года было будущему Ивану Грозному, когда внезапно тяжело заболел его отец. Болезнь поначалу была пустяковой - царапина. Но царапина стала нарывать, нарыв перешел в карбункул, а дальше (ведь антисептики еще не знали) - общее заражение крови, сепсис. И 54-летний великий князь, только вчера еще "тешившийся" охотой, умер, успев перед смертью благословить старшего сына на великое княжение. Впоследствии Иван IV очень гордился тем, что он монарх всю свою жизнь, что не помнит даже, как его *"батюшка пожаловал благословил государством"*.

Тогда гряде ему та гость велика бы.
 из того града изша горникъ мѣстникъ.
 из того прѣвесе мѣстникъ. а во мѣстѣ
 тѣхъ. и въ то гомѣ
 ста порѣшиша
 ему: бѣда
 а нечѣ
 а нечѣ

Василий III во время последней болезни. Миниатюра из Лицевого свода XVI века

Разрушительная для неокрепшей детской психики ситуация: сочетание формальной власти самодержавного государя с детской беспомощностью. Ребенок, перед которым стоят на коленях, которому целуют руку почтенные, взрослые люди. Недаром замечено, что из тех, кто стал монархом в детстве, чаще вырастают деспоты. Но первые пять лет при ребенке была мать, которая твердо и решительно правила страной.

Сначала великая княгиня на всякий случай заточила в тюрьму брата Василия III - дмитровского князя Юрия Ивановича. Ему очень хотелось стать самому великим князем. Князя Юрия можно понять. Ведь он был всего на один год моложе Василия III. Долгие годы бездетности старшего брата укрепляли его в надеждах самому занять трон. Почему же государем должен был стать его трехлетний племянник? Почему страной будет править иноземка из Литвы, а не он, такой же сын Ивана III, как и его покойный брат? Боярам и митрополиту пришлось запереть дмитровского князя на замок, пока он не принесет присягу, не поцелует крест своему племяннику. Но такую невольную клятву легко объявить недействительной. В свое время дед Юрия - великий князь Василий Темный, свергнутый своим двоюродным братом Дмитрием Шемякой, тоже поцеловал крест, что не будет искать великого княжения. Но услужливый игумен Кирилло-Белозерского монастыря "снял" с него клятву. Потому-то Елена Глинская решила не испытывать судьбу, даже

не дала Юрию Ивановичу уехать после похорон в Дмитров, а оставила в Москве. Правда, в тюрьме. Там он и умер через три с половиной года.

Но борьба за власть только начиналась. Василий III умирая, особенно рассчитывал на Михайла Львовича Глинского. Обращаясь к боярам, он говорил что хотя князь Михайло *"человек к нам приезжей"* бояре должны держать его *"за здешняго уроженца"* ибо он государю *"прямой слуга"*. А самому Глинскому напоминал, чтобы он за малолетнего великого князя с братом и великую княгиню *"кровь свою пролиал и тело свое на раздробление дал"*. Михайло Львович, опытный государственный муж, думал, что пришло его время, что станет он правителем огромной страны. Но иначе думала его молодая племянница, которая, кстати, нашла себе другого советника: боярина князя Ивана Федоровича Овчину-Телепнева-Оболенского. Поговаривали, что князь Овчина не только советник, но и возлюбленный великой княгини.

Глинский был крайне недоволен, пытался все же добиться власти, вступил в конфликт с племянницей. И та, некогда освободившая дядю из тюрьмы, отправила его туда же. Со дня смерти Василия III прошло меньше года. В темнице Михайло Львович и умер через два года. Обвинения ему были предъявлены самые вздорные: он-де хотел овладеть престолом и отравить Василия III. Один из летописцев прямо говорит, что заточен был Глинский *"по слову наносному от лихих людей"*.

Трудно найти более богатое событиями время, чем 30-е годы XVI века. Меньше чем через три года после ареста М.Л. Глинского возникла новая коллизия. Пока был жив дмитровский князь Юрий, старицкий князь Андрей не имел никаких прав на престол, а потому выступал как союзник Василия III, а затем и его вдовы. Но после смерти Юрия Андрей Иванович сам понимал что теперь стал опасен, оказался под подозрением как реальный претендент на трон. Значит, ему может прийти плохо. Надо было принимать меры предосторожности. Когда в начале 1537 года князя Андрея вызвали в Москву, чтобы возглавить войска в походе, он на всякий случай решил не ехать и сказался больным. Посланный в Старицу врач пришел к выводу, что болезнь князя не так уж и тяжела. Симуляция показалась Москве подозрительной, а потому от Андрея Ивановича снова потребовали ехать. В свою очередь, повторный приказ ехать в Москву вызвал законные опасения у старицкого князя, тем более что до него доходили зловещие слухи, что в Москве его *"хотят... поимати"* (арестовать.- **В. К.**). Андрей резко отвечал: *"...прежде сего... не бывало, что нас к вам, государем, на носилках волочили"*. В Москве теперь окончательно уверились, что удельный князь что-то замышляет и на всякий случай арестовали его посланца. У Андрея Ивановича не выдержали нервы, и он поднял мятеж.

Традиционно в нашей науке этот мятеж рассматривался как борьба удельного князя против центральной власти. Это было бы верно, если бы князь Андрей добивался независимости своего Старицкого княжества или хотя бы расширения своих прав. Но цели-то мятежного князя были обширнее: захватить всю страну, сесть на великокняжеский престол. Недаром он обратился к новгородским помещикам с таким призывом: *"Князь великий мал, а держат государство бояре. И вам у кого служить? А яз вас рад жаловати!"* Следовательно, речь шла не о том, будет или нет Россия единым государством, а о том, кому в этом государстве будет принадлежать верховная власть. Недавние исследования выявили, что, как это ни покажется парадоксальным, любой результат мятежа укреплял централизацию. Победы Андрей, стань он великим князем, его княжество было бы тем самым ликвидировано так же, как и при его поражении. От исхода междоусобия зависели судьбы Ивана IV, Андрея Старицкого, Елены Глинской, а не страны.

Старицкий князь проиграл. Овчина-Телепнев-Оболенский, выведший навстречу мятежному князю московские войска, *"поцеловал крест"*, что волос не упадет с головы Андрея Ивановича, если он добровольно приедет в Москву. Удельный князь поверил. В Москве Елена Глинская разыграла удивление: как мог боярин Иван Овчина дать такое обещание сам, *"с великим князем не обослався"*, для виду даже наложила на него опалу. А Андрея Старицкого бросили в темницу, где он и умер *"страдальческою смертью"* через полгода.

А через год скоропостижно скончалась и Елена Глинская. Почему тридцатилетняя, полная сил женщина умерла? Естественно, возникли слухи, будто великую княгиню отравили. Вряд ли они справедливы. Медицина в те времена была еще в зачаточном состоянии, люди умирали от тех болезней, которые сегодня без труда вылечивает свежий выпускник медицинского института. Любопытно, что сам царь Иван никогда нигде не писал о том, что его мать умерла насильственной смертью. А ведь он был готов обвинить бояр в любых грехах, он даже утверждал, что не может без слез вспомнить о судьбе своих дядьев - Юрия и Андрея, которых, оказывается, замучили в тюрьме бояре, а не его мать. Уж он не упустил бы повод еще раз поговорить о "боярских изменах", верь он хотя бы немного этому слуху.

Итак, с 3 апреля 1538 года Иван IV - круглый сирота. Восемилетним мальчишкой он восседает на троне в шапке Мономаха, со скипетром и державой, а вокруг - ожесточенная борьба боярских кланов за власть. В наши дни много пишут о том, как вредно детям видеть на экранах кинотеатров и телевизоров сцены насилия. Малолетнему Ивану Васильевичу привелось наблюдать эти сцены не на экране, а вживе. При нем люди из враждующих группировок врывались во дворец, избивали, арестовывали, убивали, не

обращая внимания на просьбы малолетнего государя пощадить того или иного боярина. В этой обстановке насилия выковывался характер государя.

**Венчание на царство Ивана IV.
Миниатюра из Лицевого свода XVI века.**

Окружающие не только публично выражали малолетнему великому князю чувство покорности, но даже раболепно льстили ему, потакали любой детской прихоти. Политический противник царя Ивана бежавший за рубеж князь Андрей Михайлович Курбский писал: *"Питаша его велицые гордые паны, по их языку боярове, на свою и своих детей беду, ретящися (соперничая.- В. К.) друг другом, ласкающе и угождающе ему во всяком наслаждении"*. Но это были корыстные, неискренние восхваления, а потому ребенок-государь часто чувствовал себя забытым и оскорбленным. Бояре заискивали перед великим князем, но пренебрегали мальчишкой. И о своем детстве царь Иван вспоминал иначе, чем пишет Курбский. *"Нас же (Ивана и его брата Юрия. - В. К.), - пишет царь, - питати начаша, яко иностранных (чужих.- В. К.) или яко убожейшую чадь (беднейших детей. - В. К.). Мы же пострадали во одеянии и в алчбе (еде. - В. К.). Многажды поздно ядох не по своей воле"*, - т.е. не раз мальчика забывали вовремя накормить. Через два с лишним десятка лет Иван не мог без негодования вспомнить одну сцену своего детства: он и брат Юрий играют, а князь Иван Васильевич Шуйский, *"сидя на лавке, локтем оперишия о отца нашего постелю, ногу положи на стул, к нам же не прекланяся"*, не только как родитель, но даже и не как

властелин. Мол, играют себе мальчишки, и пусть. А ведь один из мальчишек - государь.

А мальчишка рос очень приметливым и сообразительным. Причем замечал он то, на что обычно дети обращают внимания. Ему все время казалось, что его обворовывают, растаскивают великокняжескую казну. Впоследствии он писал, что Шуйские и другие бояре украли из казны золото и серебро, сделали из него себе посуду и вычеканили на ней, чтобы замести следы, свои имена. А если начнут говорить, что посуда не ворованная, а наследственная, то (удивительно, что это воспоминания о детстве мальчишки, а не сельской сплетницы): *"А всем людям ведомо: при матери нашей у князя Ивана Шуйского была шуба мухояр (полушерстяная ткань. - В. К.) зелен на кунцах, да и те ветхи; и коли б то была их старина, и чем было сосуды ковати, ино лутчи шуба переменити"*.

Мальчишка был не только наблюдателен, но и жесток и злобен. По воспоминаниям Курбского, лет в двенадцать Иван начал *"безсловесных крови проливати"*, сбрасывая их с высоких крылец. Далеко не все те, кто любит животных, - добрые и хорошие люди. Но хорошо известно, что все мучители животных - люди злобные и жестокие. Курбский же продолжает: когда Ивану подошло уже к 15-ти годам, начал *"человеков уроняти"*. И Курбский описывает те забавы, которым предавался юный государь. С компанией молодых аристократов великий князь начал по площадям и рынкам *"на конех ездити и всенародных человек (людей из простого народа. - В. К.), мужей и жен бити и грабити, скачюще и бегающе всюду неблагочинне"*. Такие невинные забавы нравились боярам, которые, по словам Курбского, на свою беду, восхваляли подростка: *"О, храбр будет сей царь и мужествен!"*

Может быть, Курбский, политический антагонист Ивана Грозного, клеветает? Но вот официальная московская летопись. Из нее мы узнаем, что первый свой смертный приговор великий князь Иван Васильевич вынес в возрасте 13-ти лет, когда приказал своим писарям схватить ненавистного ему боярина князя Андрея Михайловича Шуйского и убить, что и было исполнено. Официальный летописец сообщает этот факт с подхалимским восторгом: *«И от тех мест начали бояре бояться, от государя страх имети и послушание»*. Еще бы! Мало ли что взбредет в голову тринадцатилетнему мальчишке, обладающему всей полнотой власти. Конечно, казнь А.М. Шуйского была не совсем самостоятельной акцией великого князя: на него влияли родственники по матери - Глинские, которым удалось таким образом сбросить господствующую боярскую группировку Шуйских и прийти к власти самим. Но их приход к власти, естественно, не означал окончания боярского правления.

Малолетство Грозного - тяжелое время для страны. В науке по-разному оценивают этот период. Есть точка зрения, согласно которой злонамеренные

бояре целеустремленно пытались разрушить аппарат государственной власти и вернуть страну к временам феодальной раздробленности. Однако, если бы это было так, то, вероятно, князья Шуйские, потомки суздальско-нижегородских князей, захватив власть, первым делом попытались бы восстановить независимость своего бывшего княжества. Впрочем, непонятно, как бы вернулись к временам феодальной раздробленности одно время стоявшие у власти князья Бельские - их родовые земли находились за рубежом, в Великом княжестве Литовском, откуда они перебрались на службу в Москву и получили в награду вотчины. Мы не знаем в годы боярского правления никаких попыток двинуться по направлению к сепаратизму. Но все же процесс централизации затормозился. Ведь шла острая, абсолютно беспринципная борьба за власть. А такая борьба дезорганизует правительственный аппарат, который и без того был слаб. Недаром современники говорили, что тогда наместники были *«сверены аки львове»*. Их произвол ничто не сдерживало.

Но тем не менее даже в те годы медленно, непоследовательно, но продолжались начавшиеся еще при Елене Глинской, а то и при Василии III реформы, которые шли в направлении централизации государства. Так, при Елене Глинской была сделана попытка изменить систему местного управления. Правда, наместники и волостели, получавшие кормления, не были отменены, но наряду с ними начали вводить выборных из поместных дворян, так называемых губных старост, которые должны были бороться с *«разбоями»* и с *«лихими людьми»*. Эту реформу проводили постепенно, сначала лишь в отдельных уездах. В годы боярского правления губные старосты появились и в некоторых уездах, где их раньше не было.

При Шуйских было роздано невиданно много поместий. Так, в Тверском уезде всего за один-два года помещики получили больше земли, чем за предшествующие четыре десятилетия. А ведь развитие поместий системы (о ней подробнее см. ниже) укрепляло централизацию.

И все же реформы проводились медленно и нерешительно: все силы правителей поглощала борьба за власть, было не до больших государственных дел.